

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИДЕЙ ЛЕНИНА

(О возникновении рабства труда и путях его освобождения)

Проф. А. В. Мишулин

Ленинские высказывания о рабстве поражают нас глубиной смысла, вкладываемого в понятие рабства, разнообразием исторических явлений, к которым Ленин относит это понятие. Когда Ленин говорит о рабстве, это не значит, что он имеет в виду античное общество или только античное общество. Различные формы рабства он находит всюду и всегда, где только и когда имеет дело с классовой формацией общества и отношениями эксплуатации. Страстная борьба революционера против всякой эксплуатации, при которой не может быть подлинной свободы, заставляла Ленина вкладывать в понятие рабства свой особый смысл и придать этому понятию некоторого рода универсальный характер. Ленин трактует рабство не сухо-академически, не созерцательно-геллертерски, а подлинно-академически, т. е. связывая свои теоретические выводы с революционно-практической деятельностью определенного класса в борьбе против рабства.

При всем этом универсальность понятия рабства у Ленина ни в коей мере не застилает от его взора отдельные и различные по своей форме проявления рабства в производственных отношениях различных классовых обществ. Как мы увидим ниже, Ленин четко дифференцировал формы рабства, не стирая, а, наоборот, уточнял их различия и тем самым способствовал более конкретному уяснению форм рабства в отдельные исторические эпохи.

Высказывания о рабстве рассеяны у Ленина в самых различных его работах, в многочисленных его выступлениях, докладах, речах и т. д.

Для выяснения самых первых форм рабства, связанных со структурой рабовладельческого общества античности, нам необходимо будет обратиться к знаменитой лекции «О государстве» (Соч., т. XXIV). Для характеристики первой формы демократии, именно рабовладельческой, очень важны те немногочисленные высказывания, которые разбросаны в статьях и выступлениях Ленина, особенно в статье «Карл Маркс» (т. XVIII), в «Тезисах и докладе о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» (т. XXIV), в работах «Государство и революция» (т. XXI), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (т. XXIII). Для характеристики, какую Ленин дает войнам в античности в связи опять-таки с рабством, интересны мысли его в работах: «К пересмотру партийной программы» (т. XXI), «Социализм и война» (т. XVIII), «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» (т. XXVII), «Империализм, как высшая стадия капитализма» (т. XIX).

Что касается вопроса о форме рабского труда в эпоху крепостничества, о чем Ленин говорит в ряде замечаний, то эти замечания в основном мы

можем найти прежде всего в лекции «О государстве» (т. XXIV); в статьях: «К вопросу о смете министерства земледелия» (т. XVII), «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская реформа» (т. XV); «Крепостное хозяйство в деревне» (т. XVII); в работах: «Развитие капитализма в России» (т. III), «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (т. XII), «Новые данные о законах развития капитализма» (т. XVII). Ряд мелких замечаний мы находим в других статьях и в «Ленинских сборниках».

Для характеристики наемного труда, создающего видимость свободы, но в сущности являющегося, по Ленину, высшей формой рабства труда, именно наемного рабства капиталистической эпохи, мы имеем достаточный материал в высказываниях Ленина в целом ряде работ. Из них назовем также только основные. Следует опять-таки указать прежде всего лекцию «О государстве» (т. XXIV), работы «Государство и революция» (т. XXI); «Удержат ли большевики государственную власть?» (т. XXI); «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (т. XVII). Последняя работа представляет исключительный интерес, главным образом, по вопросу о рабстве в Америке; в этой связи необходимо также указать на «Критические заметки по национальному вопросу» (т. XVII). Из статей и выступлений особенно важны для данного вопроса следующие: «Ответы на вопросы американского журналиста» (т. XXIV); «Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов» (т. XXIII); «Одна из великих побед техники» (т. XVI); «Речь на I-м Всероссийском съезде работников просвещения» (т. XXIV); «Научная» система выжимания пота» (т. XVI); «Приветственная речь 6 мая» на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию» (т. XXIV).

Ленинские высказывания о рабстве часто переплетаются с мыслями о войне поработителей как «политике другими средствами» в деле развития рабства и о революционной, гражданской войне угнетенных масс в борьбе против рабства. По вопросу о классовой сущности войн в связи с рабством в истории замечания Ленина рассеяны в различных работах, из которых укажем только следующие: «О программе мира» (т. XIX); «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (т. XVIII); «Империализм, как высшая стадия капитализма» (т. XIX); «О лозунге «разоружения» (т. XIX); «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» (т. XXIV), «К пересмотру партийной программы» (т. XXI); «Социализм и война» (т. XVIII); «Воззвание о войне» (т. XVIII); «Государство и революция» (т. XXI); «Крах II Интернационала» (т. XVIII), «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» (т. XVIII).

Как мы видели, высказывания Ленина о рабстве не являются результатом какой-либо специальной его работы над этой проблемой. Понятие рабства, проблемы исторических его форм и критика его в различных общественных формациях—все это у Ленина дается не абстрактно, а в связи со всей его практической революционной борьбой.

Исходя из учения о классовой борьбе и развивая его до учения о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, Ленин в вопросе о рабстве сочетает революционную теорию с революционной практикой. Рабство он рассматривает в обобщенном виде, в качестве формы всякого как внеэкономически, так и экономически зависимого, следовательно, подневольного труда. Вопрос о рабстве—это вопрос революционной борьбы против рабства наемного труда капиталистического общества, против которого была направлена вся ненависть Ленина, весь его рево-

люционный пыл, против которого была направлена борьба Ленина, ставшая содержанием всей его жизни, и борьба его партии.

Правда, еще в докапиталистическую эпоху наблюдались выступления против рабства. Героическая борьба против рабства велась и в античности (восстание Спартака) и в эпоху феодализма (крестьянские войны), но нигде и никогда, ни в одну из предшествующих эпох политическое сознание не поднималось до практического и конкретного вопроса об уничтожении всякого рабства и условий, порождающих рабство.

Если идеи освобождения иной раз и формулировались, то не в результате конкретного анализа действительности, а в плане созерцательских рефлексий философа, не для практической революционной переделки общества, а в плане построения политических романов утопистов от Платона до Томаса Мора.

Только Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин поднялись до сознания исторической необходимости борьбы против всякого рабства и условий, порождающих рабство, и определения путей и средств этой борьбы. Ленин изучает действительность, чтобы ее изменить, формулирует вопрос о рабстве, чтобы разделаться со всяким рабством. Его учение о рабстве труда вырастает, таким образом, в учение о борьбе за полное освобождение труда.

При каких условиях слагается рабство, какие условия порождают различные формы порабощения? Вот первый и основной вопрос, который надо поставить для установления ленинского понятия рабства.

«...самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать,—говорит Ленин,—основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Л е н и н, т. XXIV, стр. 364, «Лекция о государстве»).

Это директивное указание Ленина, высказанное им в лекции «О государстве» по вопросу о происхождении и развитии государства, имеет одинаково методологическое значение и для данного вопроса о рабстве.

При каких условиях возникло рабство? На этот вопрос, как известно, прекрасно ответил Энгельс в «Происхождении семьи...» и в «Анти-Дюринге». Порабощение труда и эксплуатация человека человеком, а следовательно, и классы исторически сложились, по Энгельсу, на основе развития частной собственности на средства производства и возникшего отсюда неравенства. «Прежде чем рабство делается возможным,—говорит Энгельс,—необходимы, следовательно, известная ступень производства и некоторое неравенство в распределении» (М. и Э., Соч., т. XIV, стр. 163). Для возникновения порабощения труда «общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств» (там же). Энгельс, таким образом, устанавливает, что развитие частной собственности, накопление богатств и неравенство создали исторические условия, при которых «производство настолько развилось, что рабочая сила человека могла производить больше, чем необходимо было для его простого существования; средства для содержания и употребления в дело рабочей силы имелись налицо, и она приобрела *стоимость*» (там же, стр. 182). «Рабство было найдено». Порабощение труда стало историческим фактом. Этот исторический факт имел колоссальное значение в том смысле, что он ликвидировал старый первобытно-общинный строй и явился условием перехода к классовой формации общества. Это первое классовое общество было обществом прямого, открытого и насильственного порабощения труда. «При исторических условиях древнего, в частности, греческого мира переход к общественности, осно-

ванной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства» (там же).

Ленин развивает это положение Энгельса еще дальше. В явлении порабощения труда, т. е. в происхождении рабства, Ленин схватывает тот основной момент, который и служил для него исходным пунктом формирования понятия рабства. Это—частная собственность на средства производства как предпосылка рабства и развитие форм частной собственности как источник для формирования исторически различных видов рабства, или порабощения труда, в классовых формациях общества. В целом ряде замечаний, где Ленин ставит вопрос о рабстве в широком смысле слова, он прежде всего отмечает наличие частной собственности в обществе порабощенного труда. Это—первый момент, который надо все время иметь в виду для анализа ленинского понятия рабства. Каждое общество, основанное на институте частной собственности на средства производства, есть, во-первых, общество порабощенного труда, и, во-вторых, оно есть всегда классовое общество. Основное явление в классовом обществе заключается в том, что в этом обществе, говоря словами Ленина, каждый человек «заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет» (Л е н и н, т. XXV, стр. 393), ибо это «свое» есть частная собственность, инструмент порабощения труда и классовой эксплуатации. Устанавливая основной характер каждого классового общества, Ленин в ряде высказываний как бы обобщает классовое общество в типе «старого общества», противопоставляя его новому обществу без частной собственности на средства производства, без классов, обществу освобожденного труда. Так в речи на IV съезде РКСМ Ленин говорит о старом обществе, раскрывая в нем сущность всякого классового общества: «Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб» (т. XXV, стр. 393).

Еще полнее Ленин отмечает связь порабощения труда, рабства, с частной собственностью и классами в докладе на II съезде профсоюзов, когда он говорит о «старом государстве», имея в виду государство любой классовой формации общества: «Старое государство, как его строили, хотя бы наилучшие и найдёмократические из буржуазных республик, повторяю, никогда не было и быть не может ничем другим, как диктатурой буржуазии, т. е. тех, у кого в руках фабрики, орудия производства, земли, железные дороги, одним словом, все материальные средства, все орудия труда, без обладания которых труд остается в рабстве» (т. XXIII, стр. 485). Здесь уже Ленин совершенно категорически устанавливает, что «труд остается в рабстве» всегда, если существует частная собственность на средства производства.

Таким образом, в ленинском представлении рабство, будучи порождением частной собственности, является спутником всякого классового общества. Таковы основные моменты, которые нам необходимо отметить в ленинском понятии рабства.

Устанавливая эту универсальность ленинского понятия о рабстве, было бы, однако, неправильно обезличивать исторически различные формы этого рабства. Ленин в своем учении о рабстве труда устанавливает также и конкретные виды рабства в зависимости от способа соединения производителей со средствами производства, от вытекающей отсюда формы эксплуатации и всего комплекса отношений, характеризующих социальную структуру общества.

Универсальность в понятии рабства отмечается лишь постольку, поскольку для революционной борьбы пролетариата за освобождение труда необходимо установить основное принципиальное отличие общества

классового, всегда в той или иной форме порабощающего труд, от общества бесклассового, в котором уничтожение частной собственности неизбежно влечет за собою и уничтожение всякого рабства.

Таким образом, не голо-академическая постановка вопроса, а правильный и четкий теоретический анализ рабства, который ведет к революционно-практическому выводу, вооружающему политически рабочий класс для борьбы,—такова установка Ленина как теоретика и как историка.

Эти политические выводы из всего теоретического анализа рабства, выводы, вооружающие рабочий класс для борьбы, Ленин отчетливо формулирует в лекции «О государстве». «Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е., если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство—машина, чтобы угнетать одних другими» (т. XXIV, стр. 376—377). Только «Советская власть,—говорит Ленин в другом месте,—стремилась добиться того, чтобы трудящиеся строили свою жизнь без частной собственности на землю, без частной собственности на фабрики и заводы, без той частной собственности, которая всюду, во всем мире, даже при полной политической свободе, даже в самых демократических республиках поставила фактически трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину—в положение двойного рабства» (т. XXIV, стр. 468).

Эти положения Ленина, звучащие призывом, дают примеры того, как теоретическая работа революционера-большевика должна увязываться с политическими задачами дня, с практической борьбой пролетариата.

И в анализе исторических конкретных форм рабства Ленин не только развивает положения, высказанные Марксом и Энгельсом, но и делает отсюда свои новые, теоретические и политические выводы.●

В вопросе о формах рабства важно прежде всего отметить высказывание Маркса, которое для Ленина явилось отправным пунктом в конкретизации видов рабства соответственно каждой классовой формации общества. В «Наемном труде и капитале» (Соч., т. V, стр. 423) Маркс писал: «Как вол не продает своей работы крестьянину, так и *раб* не продает своего труда рабовладельцу. Раб, вместе со своим трудом, раз навсегда продан своему господину. Он—товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. *Сам он*—товар, но его труд не *его* товар.

Крепостной продает только часть своего труда. Не он получает плату от собственника земли, а, наоборот, собственник земли получает от него оброк. Крепостной есть принадлежность земли и приносит доход собственнику земли. Напротив того, *свободный рабочий* сам продает себя и притом продает себя по частям». Это классическое положение Маркса, четко схватывающее суть каждой исторической формы развития рабочей силы, поскольку она в той или иной степени порабощена или экономически зависима, бросает достаточно света на исторические виды рабства.

Каждый вид рабства Ленин определяет конкретно-исторически, исходя из марксова указания о значении для данного вопроса того способа, каким осуществляется соединение рабочей силы производителей со средствами производства, поскольку ведь распределение последних происходит в классовых обществах на основе частной собственности. «Различные ступени развития распределения труда являются в то же время различными формами собственности, т. е. каждая ступень развития труда определяет их взаимоотношения по отно-

шению к материалу, орудию и продукту труда» («Архив М. и Э.», кн. I, стр. 225). Вот эти-то взаимоотношения труда и частной собственности, выражающие конкретные формы собственности, различные для различных исторических эпох, и являются исходным и в то же время решающим пунктом в ленинском анализе как конкретных видов рабства, так и классов.

Рабство и классы неразрывно связаны между собою. Ведь что такое классы вообще?—ставит вопрос Ленин в статье «Задачи союзов молодежи». «Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой» (т. XXX, стр. 411). Всякая форма присвоения труда ведет к той или иной форме его порабощения, это в свою очередь отличает классы одной формации общества от другой. Ленин следующим образом намечает формы присвоения труда, а отсюда и виды его порабощения:

«Рабовладельцы и рабы—первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства—землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами» (т. XXIV, стр. 366). Таким образом, отношение труда к материалу, орудиям и продукту труда здесь таково, что собственностью рабовладельцев являлись не только средства производства, но и рабочая сила раба, т. е. при данном виде рабства, который у Ленина называется «первобытными формами рабства», полностью апроприровалась и личность человека. Такова исторически первая форма рабства, при которой отношения собственности простирались даже на личность человека, включавшегося в технический инвентарь рабовладельца в качестве «instrumentum vocale».

«В рабовладельческом обществе—полное бесправие раба, он не признавался за человека». «Римский закон рассматривал их (рабов.—А. М.) как вещь... Он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами» (т. XXIV, стр. 370). Такова в основном первая историческая форма рабства. Перейдем к следующей форме.

«Если одна часть общества присваивает себе всю землю—мы имеем классы помещиков и крестьян» (т. XXX, стр. 411). «Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как он есть и в рабском хозяйстве». «Но оба эти вида труда разделены во времени и в пространстве» (т. XII, стр. 226). «Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик, другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина». Здесь мы имеем также присвоение труда, но лишь в иной форме, хотя последняя вовсе и не снимает рабства крестьян. «Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве» (т. XXIV, стр. 371). В другом месте Ленин прямо говорит, что «крестьяне были рабами помещиков» (т. V, стр. 267, «К деревенской бедноте»), характеризуя этим порабощение труда в эпоху феодализма. Таков исторически иной вид рабства, при котором новая форма собственности хотя и делает производителя также обладателем некоторых условий труда, но лишь постольку, поскольку это необходимо «для собственного воспроизводства этого производителя» («Капитал», т. III, стр. 572). Именно потому, что собственником земли как главного «условия труда, которое в этом состоянии охватывает все», выступает помещик, то для того, чтобы мог осуществляться труд производителя, «необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, принадлежность в настоящем смысле слова» («Капитал», т. III, стр. 569—570). Такое порабощение труда производителя на практике, говорит Ленин,

ссылаясь в частности на крепостное право в России, «ничем не отличалось от рабства» (т. XXIV, стр. 367).

Перейдем теперь к последней форме рабства—наиболее утонченному и завуалированному рабству капиталистической эпохи. «Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках,—мы имеем классы капиталистов и пролетариев» (т. XXX, стр. 411).

Новая форма отношений собственности производителя к «материалу, орудию и продукту труда» делает этого производителя в эпоху капитализма лишенным производственной собственности, которая как частная собственность концентрируется в основном только в руках небольшой кучки капиталистического класса. Именно это-то положение и ставит пролетариев в условия наемного капиталистического рабства. «По сравнению с феодализмом,—говорит Ленин,—капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но тем не менее капитализм был и остается системой *наемного рабства*, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («*moderne*») рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство» (т. XXIV, стр. 404, «Ответ на вопросы американского журналиста»). О наемном рабстве мы находим у Ленина значительно больше высказываний, чем о какой-либо другой форме порабощения труда. У представителя революционной теории это вполне понятно, ибо им ставится практическая задача борьбы против наемного рабства. Ленин всюду, где говорит о рабстве эпохи капитализма, исходит из марксдова указания насчет того, что «именно рабство буржуазного общества по своей видимости есть величайшая свобода». Поэтому он, говоря об этом рабстве, срывает прежде всего покров этой видимой свободы, снимает маску парламентаризма с порабощителей рабочего класса и разоблачает буржуазную демократию, скрывающую и затемняющую истинное положение пролетариата как рабов капитала. И Ленин сумел раскрыть сущность капиталистического наемного рабства и доказать, что «...За буржуазную демократию могут стоять только сторонники капиталистического рабства», как это он и сформулировал в речи на торжественном заседании пленума Моссовета (т. XXV, стр. 74). В результате своего теоретического анализа наемного рабства Ленин не только разоблачал сущность буржуазной демократии, но вместе с тем ясностью этого анализа поднимал сознание пролетариата до практического действия, до необходимости политической борьбы против этого, как и всякого рабства. И в решении данной проблемы теоретический анализ Ленина звучал практическим призывом к борьбе,—пример того, как у революционера-большевика теория должна увязываться с политическими задачами борьбы за коммунизм.

«Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает» (М. и Э., Соч., т. XVI, стр. 151).

Это сформулированное Энгельсом положение Ленин сумел не только развить, но и доказать и вооружить этим рабочий класс практически против рабства и частной собственности, порождающей отношения неравенства и рабства в самых различных его исторических формах.

*

В анализе рабства и основных исторических его форм Ленин не ограничивался общей характеристикой. Не ставя своей специальной задачей исследование рабства и рабских отношений в истории, не посвящая специальной работы этой проблеме, Ленин тем не менее дал ряд интересных деталей, уточняя конкретные вариации и градации внутри определенного вида рабства, господствовавшего в той или иной социально-экономической формации классового общества. Так, например, исследуя положение крестьянства в царской России и устанавливая, что «...Большинство крестьян, несмотря на все пресловутые прогрессы, остается в крепостническом рабстве» (т. XVII, стр. 397), Ленин в конкретном исследовании крепостнического рабства в России не ограничивается общей характеристикой крепостнических отношений, а вносит в них дифференциацию, устанавливая в этой форме рабства вариации его в виде «кабалы», «зимних наемок», «испольщины» и т. д. Определение кабалы Ленин дает в статьях: «Экономическое содержание народничества» (т. I, стр. 344), «Крепостное хозяйство в деревне» (т. XVII, стр. 38). Об «испольщине» и «зимней наемке» говорится в статьях: «К вопросу о смете министерства земледелия», «Крепостное хозяйство в деревне» и в ряде других мест капитальных работ Ленина о развитии хозяйства в России. Историк феодализма в России найдет в работах Ленина очень много чрезвычайно ценных высказываний, которые должны иметь для нас характер директивных указаний в научно-исследовательской работе.

В этой связи для нас представляют большой интерес и те высказывания Ленина, которые относятся к определению рабства в рабовладельческую эпоху древности, при первом классовом делении общества на рабов и рабовладельцев.

Конкретные представления «о первобытных формах рабства» мы можем получить, исходя из ленинского учения о частной собственности, о значении ее форм для эволюции порабощенного труда. И в этом Ленин подверг дальнейшей разработке взгляды Маркса, которые были сформулированы в материалах Маркса и Энгельса о Фейербахе. В этих материалах четко устанавливается форма собственности для древности.

«Второй формой собственности,—говорится в материалах,—является античная, общинная и государственная собственность, которая возникла благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких родов в один город и при которой сохраняется рабство» («Архив М. и Э.», кн. 1, стр. 254). Эта античная государственная собственность предполагает прежде всего общинное владение землей. Но было бы неправильно античную собственность ограничивать только общинным владением землей. «Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность, но как исключительная, подчиненная общинной собственности форма» (там же). Это обстоятельство нам особенно важно подчеркнуть, ибо оно подводит нас к выяснению всей диалектики развития первого классового общества. Все развитие первого классового общества с этой точки зрения раскрывается в борьбе усиливающегося института индивидуальной частной собственности с государственной, что особенно хорошо можно было бы проследить на фактах истории древнего Рима, ибо «частная собственность в Риме,—говорит Маркс,—находилась в самом резком противоречии с государственной собственностью» («Архив М. и Э.», кн. 4, стр. 229). Как известно, последние из так наз. «школы» Покровского, буквоеды и начетчики, неправильно толковали это место. На основе его они готовы были построить

антимарксистскую теорию о «коллективной собственности» в античную эпоху. Они не хотели замечать, что здесь Маркс говорит лишь о земельной (недвижимой) собственности, которая приняла форму общинной и государственной. Схоластам и социологам в стиле «школы» Покровского не было дела до того, что возникновение собственности на землю исторически, как указывали Маркс и Энгельс, связано именно с появлением общинной (но не общественной) и государственной (но не обобществленной) собственности. Такие «историки», как Ковалев, готовы были, не утруждая себя историческим анализом, следуя формальному толкованию цитат, объявлять «коллективно-общинную собственность» там, где именно сильно развившееся рабство не оставило и следа от общины (Греция, Рим).

Как известно, общинная и государственная собственность на землю противостояла рабам и беднякам (пролетариям) как собственность рабовладельческая, как «совместная частная собственность активных граждан государства». Так было в начальный период развития недвижимой частной собственности. Позднее, как указывают далее Маркс и Энгельс, первичная частная собственность на землю в форме общинной и государственной по мере развития рабовладельческих отношений сменяется индивидуальной частной собственностью на землю, совсем такой, как «при современной частной собственности» (Соч., т. IV, стр. 13). Далее Маркс и Энгельс говорят прямо о «концентрации частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство—земельный закон Лициния) и очень быстро развивалась со времени гражданских войн и в особенности в императорскую эпоху» (там же, стр. 13—14).

Что же касается орудий труда и продуктов производства, то частная собственность на них типична для античной эпохи. Раб—это вещь, распоряжение которой с самого начала было связано с правом произвольного обращения с нею (*ius utendi et abutendi*). Инвентарь также являлся частной индивидуальной собственностью рабовладельца. И вот теперь, если учесть, что не только движимая собственность становится индивидуальной частной собственностью, но и земля также сбрасывает с себя общинную и государственную форму владения ею и становится, как и движимая собственность, индивидуальной, то совершенно понятно, что рабовладельческое общество вступает в ту зрелую и классическую форму своего развития, про которую так четко сказано в «Истории ВКП(б)». При рабовладельческом строе «нет... общей собственности на средства производства, равно как и на продукты производства. Ее заменяет частная собственность» (стр. 119).

Именно это обстоятельство, как еще заметил Маркс, явилось предпосылкой для того, что «римляне, собственно, впервые разработали *право частной собственности*» (М. и Э., Соч., т. I, стр. 635). В развитии древних обществ в зависимости от эмпирических обстоятельств, естественных условий и т. д. приходится наблюдать и различную степень противоречия движимой и недвижимой частной собственности с общинной и государственной, точно так же, следовательно, и различные «вариации и градации» рабства, поскольку это рабство достигало наиболее развитых форм лишь там, где античная общинная и государственная собственность быстрее сходила с исторического пути и разлагалась. Степень развития движимой и недвижимой частной собственности определяла и степень развития рабства. Следует учесть, что в лекции «О государстве» Ленин уже намечал различные виды рабства в древности. Он говорит о «первобытных формах рабства», через которые прошло большинство народов мира, и о Греции и Риме, которые «целиком покоились на рабстве». Эти указания Ленина до сих пор еще не использованы историками древности.

*

Какую бы историческую форму рабства мы ни взяли в трактовке Ленина, нам сразу бросается в глаза, что здесь не только дается четкий теоретический анализ формы рабства, но и ставится конкретно вопрос, как практически велась борьба против этого рабства, каковы должны быть намечены, исходя из уроков этой борьбы, линии дальнейшего ее развития для превращения ее в борьбу против всякого рабства.

Конкретная историческая обстановка всякий раз соответствующим образом характеризуется, чтобы сделать вывод, почему освобождение от рабства в докапиталистических обществах не могло произойти полностью и почему в условиях капитализма пролетариат уже подготовлен к тому, чтобы путем социальной революции, захвата власти и уничтожения капитализма, порождающего высшую форму наемного рабства, повести борьбу против всякого рабства и всех условий, порождающих порабощение труда в каких угодно его формах.

И в этом Ленин, а за ним Сталин явились лучшими продолжателями дела Маркса и Энгельса.

Известно, как Маркс и Энгельс ставили вопрос о рабстве в первом классическом обществе, как они отмечали характер борьбы античного пролетариата (вспомните отзыв Маркса о Спартаке) против рабства и как при всем этом устанавливалось, что при тогдашних исторических условиях не могло быть достигнуто освобождение труда от рабства. Одна форма рабства могла только сменяться другой, но полного уничтожения рабства античный мир достигнуть не мог, несмотря на героические эпизоды борьбы рабов со своими угнетателями. «Уничтожения рабства победоносным вооруженным восстанием древний мир не знает»,—говорит Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». В «Принципах коммунизма» (М. и Э., Соч., т. V) Энгельс объясняет, почему не могло быть достигнуто освобождение труда в условиях античности. Необходимым последствием развития в ту эпоху новых производительных сил, которые не укладывались в старые формы собственности, являлось как раз дальнейшее развитие частной собственности, которая неизбежно влекла за собою порабощение труда в той или иной его форме. Вот почему «раб,—говорит Энгельс,—может освободить себя, отменив из всех институтов частной собственности одно только рабство». В тех условиях это освобождение не могло, таким образом, повлечь за собою освобождение труда, ибо оставалась частная собственность. Освобождалась только личность раба, изменялась лишь форма рабства, само же оно еще оставалось. Объективно развитие производительных сил не отменяло частной собственности, а, наоборот, требовало дальнейшего движения ее вперед, к более высоким ее формам. Этот объективный результат борьбы рабов хорошо выразил Ленин в лекции «О государстве», отметив, что «рабы открывали гражданские войны, но... даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов». Такова была историческая закономерность социальной борьбы в этот период истории первого классического общества.

Не могло быть достигнуто освобождение труда и в исторических условиях феодализма. Правда, «крепостной крестьянин,—говорит Ленин,—не считался прямой собственностью помещика» (т. XXIV, стр. 371) и таким образом «к их освобождению, к освобождению крестьян открывалась дорога более широкая» (там же), но при господстве института частной собственности освобождение крестьян отнюдь не приводит к освобождению труда. «Крепостной,—говорит Энгельс,—освобождается, либо убегая в город и становясь там ремесленником, либо уплачивая своему помещику

деньги взамен своей работы и продуктов, после чего он становится свободным арендатором, либо же прогоняя своего феодала, после чего он становится сам собственником» («Принципы коммунизма», Соч., т. V, стр. 468).

Таким образом, в тех условиях освобождение крестьянина от рабства если и может осуществиться, то оно нередко превращает производителя в собственника не только средств производства, но и земли, которой он был раньше лишен. Опять-таки поступательное движение производительных сил требовало еще развития частной собственности, в особенности же на землю. Здесь следует заметить, что даже и с ликвидацией собственности на землю в условиях капитализма свобода труда еще не наступает, как это рисовали себе представители мещанского социализма в России. «Полное уничтожение частной собственности на землю,—говорит Ленин,—тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс. И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу» (т. VIII, стр. 384). Ленин таким образом показывает, что национализация земли при сохранении частной собственности на средства производства состоит не в борьбе с буржуазными отношениями, а в борьбе с крепостническими отношениями за господство буржуазных, которые выражали отношения новых, хотя и более высоких, но все же форм опять-таки частной собственности, повлекших за собою новое рабство труда (т. XII, стр. 288, «Аграрный вопрос в России»). Таким образом и при этой форме собственности достигается лишь смена крепостнической формы рабства рабством наемного труда. Об этой исторической смене было прекрасно сказано товарищем Сталиным в его речи на I съезде колхозников-ударников.

Только тогда, когда человечество достигло капиталистической ступени развития, общество развило свои производительные силы настолько, что они переросли формы частной собственности на средства производства, только в этих условиях проблема освобождения труда от всякого рабства стала исторической необходимостью, как исторической необходимостью стало уничтожение частной собственности, ибо и то и другое становится неременным условием дальнейшего развития производительных сил. И освобождение труда от рабства становится исторической миссией пролетариата.

«Все предшествующие пролетариату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочивать, они должны, напротив, разрушать все сложившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения» («Коммунистический манифест»). «Пролетарий может освободить себя, только отменив частную собственность вообще» (Энгельс, «Принципы коммунизма»). Эти положения Маркса и Энгельса Ленин берет в основу своего учения об освобождении труда от всякого рабства.

Учение об освобождении труда от рабства связано у Ленина как теоретически, так и практически с проблемой *равенства*, что включается в общий комплекс вопросов борьбы за коммунизм, вопросов, принимающих все более и более актуальный характер в связи с развернутым строительством социализма в нашей стране, «постепенным переходом от со-

циализма к коммунизму», как это было сформулировано на XVIII партсъезде.

Ленин развивает нам проблему равенства, исходя из тех критических замечаний, которые делают Маркс и Энгельс во всех работах от «Немецкой идеологии» до «Анти-Дюринга» в связи с полемикой против Прудона, Лассаля, Дюринга и прочих представителей «распределительного равенства» или «справедливого распределения». Как Ленин ставил проблему равенства, мы лучше всего можем видеть из полемики его по данному вопросу с Каутским. В своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин пишет: «Эксплоататор не может быть равен эксплуатируемому. Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составляет важнейшее содержание социализма. Другая истина: действительно, фактического равенства не может быть, пока совершенно не уничтожена всякая возможность эксплуатации одного класса другим» (Л е н и н, т. XXIII, стр. 353—354). Таким образом, ленинская постановка проблемы равенства логически как бы завершает учение о борьбе с рабством труда и ставит в то же время практически вопрос о путях освобождения труда. Ленин был глубоко последователен в постановке проблемы равенства в таком именно плане и давал решительный бой всем тем, кто в плену общих фраз о равенстве уклонялся от практической постановки вопроса.

«С точки зрения пролетариата,—повторял Ленин,—вопрос ставится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.» (т. XXIV, стр. 515). Раньше мы видели, какое значение Ленин придавал частной собственности, рассматривая всякое порабощение труда как результат господства отношений частной собственности. Это Ленин неоднократно повторял и в связи с постановкой проблемы равенства и освобождения труда. И в этом отношении он развивал дальше тот анализ проблемы равенства, уничтожения эксплуатации и освобождения труда, что дает Маркс в своей «Критике Готской программы».

Ленин вел большую практическую и теоретическую борьбу со всеми установками как правого, так и левацкого порядка в трактовке проблемы равенства. Известно, как остро и неотразимо высмеивал Ленин Каутского за его общую и никчемную постановку вопроса о равенстве как о некоей «чистой демократии». В статье «Сердитая растерянность» (т. XI, стр. 143) эта любовь к общей постановке вопроса, к общей фразе рассматривается Лениным как типично меньшевистская черта, чуждая пролетариату и вредная с точки зрения пролетариата. Общие фразы о равенстве, демократии на деле равносильны повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. И с такими общими словами выступать в каждом серьезном деле и особенно во всемирно-исторической борьбе пролетариата это «значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии» (т. XXIV, стр. 515).

Не менее острая отповедь дается и другой левацкой постановке проблемы равенства, которая сводилась в сущности к мелкобуржуазной уравниловке. Эта мелкобуржуазная уравниловка была лучше всего выражена в свое время в троцкистском лозунге «дать каждому бедняку по лошади», проведении уравнительности в тарифных ставках и т. д., что Ленин, а потом и Сталин разоблачали на каждом шагу как отрыжки буржуазной пародии на марксизм, представлявшей, как известно, проблему равенства как попытку добиться абсолютного равенства одного человека другому во всех отношениях. В своей речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» (т. XXIV) Ленин разоблачает такое решение проблемы равенства. Как ставится и разрешается эта проблема в работах Ленина?

Красной нитью пронизывает все высказывания Ленина положение, что проблема равенства должна ставиться только в смысле ликвидации классов и разрешение ее может быть достигнуто только пролетариатом. И в этом Ленин ссылается на Энгельса. «Энгельс давно разъяснил в «Анти-Дюринге», что понятие равенства... превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле *уничтожения классов*. Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают» (т. XXIV, стр. 515). Ленин подчеркивает всемирно-историческую роль пролетариата в борьбе его за это равенство в смысле окончательной ликвидации классов, эксплуатации и рабства труда. Свое освобождение от рабства пролетариат осуществляет принципиально иначе, чем освобождает себя угнетенный класс любой предшествующей формации общества. Раб древности освобождал себя от рабства, но не «освобождал» общество от частной собственности, которая в своем развитии вела к смене первобытных или античных форм рабства, к рабству крепостного труда. Крепостной путем великих крестьянских революций освобождал себя от рабства, но опять-таки не освобождал общество от частной собственности, которая приняла формы капиталистической собственности, создававшей отношения рабства наемного труда. Оставалась частная собственность, оставались классы, менялись лишь формы рабства.

Историческая роль пролетариата выражается в том, что он через диктатуру пролетариата, через социалистическое строительство не только освобождает себя от рабства, но освобождает и общество от частной собственности, классов и эксплуатации, следовательно, раз и навсегда ликвидирует условия, порождающие рабство труда.

Ленин неоднократно подчеркивает, что только с уничтожением частной собственности «невозможна будет эксплуатация, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и пр. в частную собственность». Ленин это ставил в прямую связь с решением проблемы равенства, когда далее говорит нам следующее: «Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами» (т. XXI, стр. 434).

Таким образом, отмена частной собственности вырастает в программный момент, в основную задачу всего рабочего движения. Вот почему, говоря словами Энгельса, коммунисты вполне правильно считают главным своим требованием отмену частной собственности («Принципы коммунизма», § 14).

Так разрешается Лениным проблема освобождения труда в связи с проблемой равенства.

Из всего анализа ленинских высказываний о рабстве, об исторических формах последнего в путях освобождения труда мы видим, таким образом, как много ставится отдельных, чрезвычайно интересных вопросов для конкретно-исследовательской работы историка-марксиста. Здесь мы только лишь формулируем эти вопросы и фиксируем их как исходный пункт для исторического исследования в работе каждого историка-марксиста. Они уже получили историческую разработку в «Кратком курсе истории ВКП(б)», в особенности в четвертой главе этого курса, сочетающей сталинскую глубину с четкостью анализа.

Вместе с тем мы одновременно отмечаем не только теоретическую глубину поставленных Лениным исторических проблем, но и их практически революционную направленность.

Сталин еще дальше развил учение Ленина о равенстве: он четко сформулировал, что надлежит понимать марксисту под равенством.

«Под равенством,—говорит товарищ Сталин,—марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (**социалистическое** общество), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (**коммунистическое** общество). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает» (С т а л и н, Отчетный доклад XVII съезду партии, «Вопр. лен.», изд. XI, стр. 470—471).

Это гениальное по своей краткости, четкости и глубине положение Сталина о равенстве становится все более и более практически осязаемым завоеванием. XVIII партсъезд поставил грандиозные задачи социалистического строительства. И чем ближе мы подходим к завершению построения бесклассового социалистического общества, тем скорее мы достигаем полного освобождения трудящихся от всех пережитков капитализма в сознании и тем скорее мы движемся вперед к достижению полного равенства людей.

«Теперь мы,—скажем словами Ленина,—на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное светлое здание социалистического общества, создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства» (т. XXII, стр. 223).

Социалистическая форма собственности сменяет и отменяет все существовавшие формы частной собственности на средства производства, освобождает труд от всяких форм рабства и утверждает подлинную свободу трудящихся. Сталинская конституция оформила в величайшем историческом документе завоевания освобожденного труда. Ленинская идея о свободе труда стала реальностью для счастливого советского народа, выдвинувшего и продолжающего выдвигать героев великого стахановского движения.

Историк-марксист в будущем напишет всеобъемлющую историю труда человечества, которая покажет, как исторически высвобождался от ига рабства труд человека и как были достигнуты свобода и равенство людей под великим водительством партии Ленина—Сталина. В лаборатории исторических идей Ленина—Сталина историк-марксист почерпнет живительную силу все новых и новых мыслей и практических указаний в своей творческой работе.

